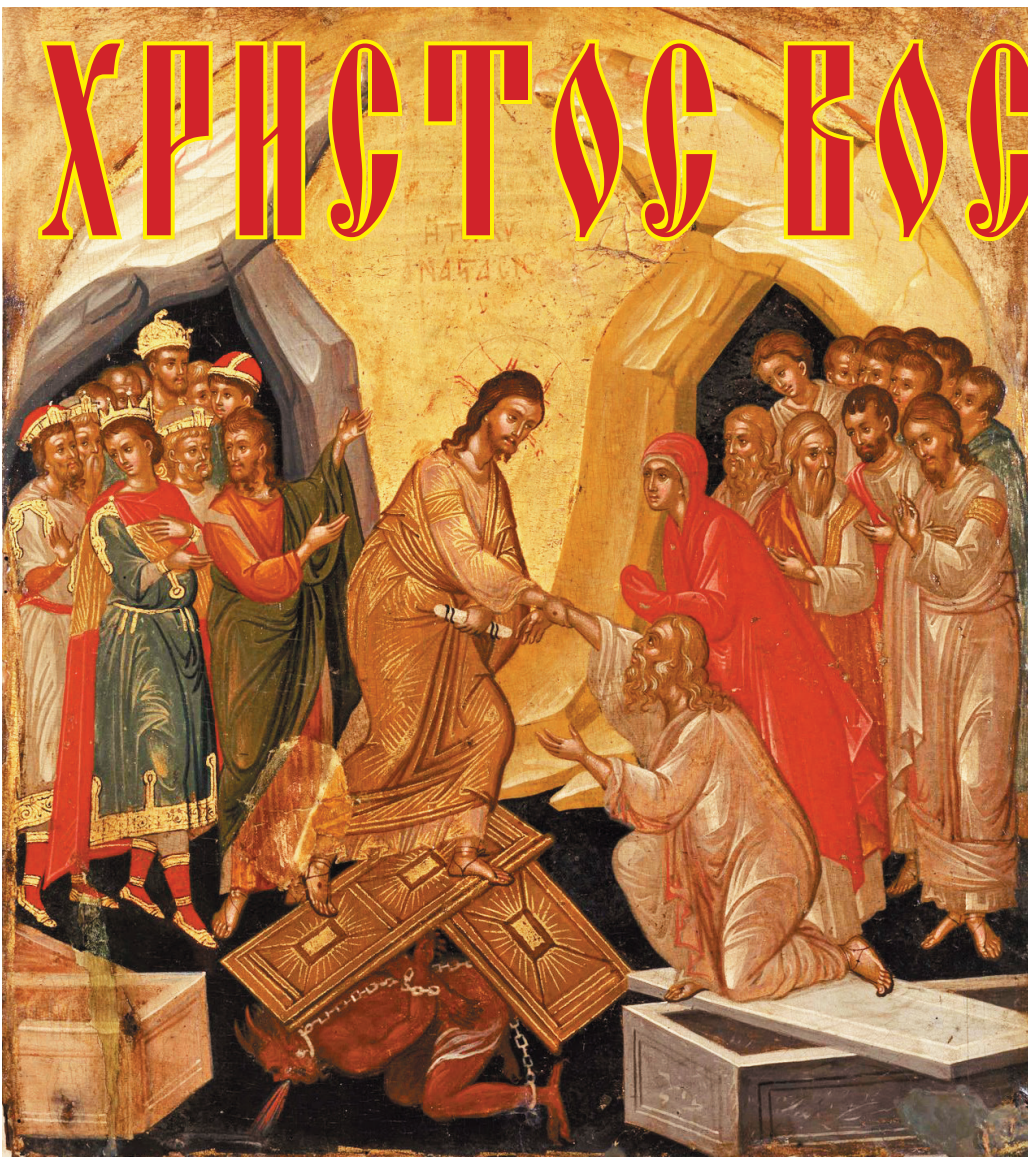

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Дорогие братья и сестры во Христе!

Ныне все христианские церкви, и Восток и Запад, одновременно, торжественно и светло празднуют Христово воскресение. И радостное приветствие Церкви, торжествующей восстание Христа из мертвых, — «Христос Воскресе!» — раздается по всему христианскому миру, вызывая ответный возглас верующих сердец — Воистину Христос Воскресе!

Дивное, непостижимое для ума нашего воскресение Христово есть начало всеобщего воскресения, простирающегося на все наше христианское настоящее и доходящее до грани всемирного будущего — вечного. Оно вдохновляет нас и подвигает нас к духовному совершенствованию, устремляя ум наш горе, к небесному, к «жизни будущего века».

Свет Христов да отверзает ум наш к разумению тайн нашего спасения и сердце — к ощущению Царствия Божия, которое внутри нас есть. Подобно апостолам по воскресении Господа понесем в жизнь дух бодрости и радостной уверенности в окончательной и вечной победе добра над злом, света над тьмой, победе Христа над грехом. «Воскресения день, и просветимся торжеством, и друг друга обьем. Рцем: братие! и ненавидящим нас; простим вся воскресением...» (стихира Пасхи).

Христос Воскресе! Воистину Воскресе!

**Настоятель Свято-Троицкого собора
протоиерей Виктор Петлюченко**

АНОНС**Православие:
вопросы войны и мира**

В наши дни, когда взаимные подозрения и военные слухи переполняют сердца людей тревогой за будущее, отрадно сознавать, что православные христиане не забывают о своем призвании «искать того, что служит к миру и взаимному назиданию» (Римл. 14, 19), и собираются вместе, чтобы помолиться о предотвращении новой всегубительной брани.

Мы верим, что святость стремлений и чувств, объединяющих христиан даст нам силу привести к единству, и молимся, чтобы наши молитвы отвели от нас всякий упрек,

всякое поношение за отступление от Правды Божией в делах человеческих.

Эта Божественная Правда, явленная миру искупительным подвигом Господа нашего и Спасителя, заключается прежде всего в том, что в своих отношениях с окружающим миром христиане должны действовать только одним оружием, именно силою любви, навсегда упразднившей для них силу меча. И всякое иное отношение христиан своим ближним — нетерпимость, обман, насилие — будет уже не порождением нашей религии, а преступным ее извращением и поруганием.

Местоблюститель Киевской митрополичьей кафедры митрополит Черновицкий и Буковинский Онуфрий так определяет позицию Украинской Православной Церкви в сложившейся кризисной ситуации: «Миссия

Церкви, вне зависимости от того, где она находится и на какие земли распространяется Ее каноническая ответственность, неизменна во все времена. Это спасение человеческой души. В то же время, существуют и земные, человеческие обстоятельства, которые Церковь не может оставить без внимания. И здесь **наша задача заключается в том, чтобы учить добру и призывать к миру**. Мы должны помочь людям понять, что все проблемы нужно решать мирным путем, что нельзя обижать ближнего, поднимать руку друг на друга, тем более, убивать».

Предлагаем вашему благочестивому вниманию современное отношение православно-го богословия к вопросам войны и мира.

Война и мир

Начало на стр. 1

1. Война является физическим проявлением скрытого духовного недуга человечества — братоубийственной ненависти (Быт. 4. 3-12). Войны сопровождали всю историю человечества после грехопадения и, по слову Евангелия, будут сопровождать ее и далее: «Когда же услышите о войнах и о военных слухах, не ужасайтесь: ибо надлежит сему быть» (Мк. 13. 7). Об этом свидетельствует и Апокалипсис, повествуя о последней битве сил добра и зла при горе Армагеддон (Откр. 16. 16). Земные войны суть отражение брани небесной, будучи порождены гордыней и противлением воле Божией. Поврежденный грехом человек оказался вовлечен в стихию этой брани. Война есть зло. Причина его, как и зла в человеке вообще, — греховное злоупотребление богоданной свободой, «ибо из сердца исходят злые помыслы: убийства, прелюбодеяния, любодеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления» (Мф. 15. 19).

Убийство, без которого не обходятся войны, рассматривалось как тяжкое преступление пред Богом уже на заре священной истории. «Не убий», — гласит закон Моисеев (Исх. 20. 13). В Ветхом Завете, как и во всех древних религиях, кровь имеет священный характер, поскольку кровь — это жизнь (Лев. 17. 11-14). «Кровь оскверняет землю», — говорит Священное Писание. Но тот же библейский текст предостерегает обращающихся к насилию: «Земля не иначе очищается от пролитой крови, как кровию пролившего ее» (Числ. 35. 33).

2. Неся людям благовест примирения (Рим. 10. 15), но находясь в «мире сем», который пребывает во зле (1 Ин. 5. 19) и исполнен насилия, христиане невольно сталкиваются с жизненной необходимостью участвовать в различных бранях. Признавая войну злом, Церковь все же не воспрещает своим чадам участвовать в боевых действиях, если речь идет о защите ближних и восстановлении попорченной справедливости. Тогда война считается хотя и нежелательным, но вынужденным средством. Православие во все времена относилось с глубочайшим почтением к воинам, которые ценой собственной жизни сохраняли жизнь и безопасность ближних. Многих воинов Святая Церковь причислила к лику святых, учитывая их христианские добродетели и относя к ним слова Христа: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15. 13).

Когда святой равноапостольный Кирилл был послан Патриархом Константинопольским на евангельскую проповедь и прибыл в столицу сарацин, с ним вступили в спор о вере ученые последователи Магомета. Между прочими вопросами задали ему такой: «Христос есть Бог ваш. Он заповедал вам молиться за врагов, добро творить ненавидящим и гонящим вас, — бьющим в ланиту подставлять и другую, — а вы что делаете? Если кто обидит вас, изошряете оружие, выходите на брань, убиваете. Почему вы не слушаете своего Христа?» Выслушав сие, святой Кирилл спросил у совопросников своих: «Если в каком-либо законе будут написаны две заповеди,

который человек будет совершенный исполнитель закона — тот ли, кто исполняет одну заповедь, или тот, кто исполняет обе заповеди?» Когда агаряне сказали, что совершеннее исполнит закон тот, кто соблюдет обе заповеди, то святой проповедник продолжал: «Христос Бог наш, повелевший нам молиться за обидающих нас и им благотворить, сказал также, что большей любви никто из нас в жизни сей явить не может, разве кто положит душу свою за други своя (Ин. 15. 3). Вот почему мы великодушно терпим обиды, причиняемые нам как людям частным, но в обществе друг друга защищаем и полагаем души свои на брани за ближних своих, чтобы вы, пленив наших сограждан, вкупе с телами не пленили и душ их, принудив к отречению от веры и богопротивным деяниям. Наши христолюбивые воины с оружием в руках охраняют Святую Церковь, охраняют государя, в священной особе коего почитают образ власти Царя Небесного, охраняют отечество, с разрушением коего неминуемо падет отечественная власть и поколеблется вера евангельская. Вот драгоценные залогов, за которые до последней капли крови должны сражаться воины, и если они на поле брани положат души свои, Церковь причисляет их к лику святых мучеников и нарицает молитвенниками пред Богом».

3. «Взявшие меч, мечем погибнут» (Мф. 26. 52), — в этих словах Спасителя находит обоснование идея справедливой войны. С христианской точки зрения, понятие нравственной правды в международных отношениях должно опираться на следующие основные принципы: любовь к своим ближним, своему народу и Отечеству; понимание нужд других народов; убеждение в том, что благу своего народа невозможно служить безнравственными средствами. Эти три принципа определили нравственные границы войны, которые были выработаны христианским миром в Средние века, когда, применяясь к реальной ситуации, люди пытались обуздать стихию военного насилия. Уже тогда существовала убежденность, что война должна вестись по определенным правилам, что и сражающийся человек не должен терять своего нравственного облика, забывая, что его противник — такой же человек, как и он сам.

Выработка высоких правовых норм в международных отношениях была бы невозможна без того нравственного воздействия, которое оказало христианство на умы и сердца людей. Требования справедливости в войне на деле далеко не часто удовлетворялись, но сама постановка вопроса о справедливости порой удерживала воюющих людей от чрезмерной жестокости.

В западной христианской традиции, восходящей к блаженному Августину, при определении справедливости войны обычно приводят ряд факторов, которые обуславливают допустимость начала войны на своей или чужой территории. К их числу можно отнести следующие:

- войну следует объявлять ради восстановления справедливости;
- войну имеет право объявить только законная власть;
- право на использование силы должно принадлежать не отдельным лицам или группам лиц, а представителям гражданских властей, установленных свыше;
- война может быть объявлена только после того, как будут исчерпаны все мирные средства для ведения переговоров с противной стороной и восстановления исходной ситуации;
- войну следует объявлять только в том случае, если имеются вполне обоснованные надежды на достижение поставленных целей;
- планируемые военные потери и разрушения должны соответствовать ситуации и целям войны (принцип пропорциональности средств);
- во время войны необходимо обеспечить защиту гражданского населения от прямых военных акций;
- войну можно оправдать только стремлением восстановить мир и порядок.

В нынешней системе международных отношений подчас бывает сложно отличить агрессивную войну от оборонительной. Грань между первой и второй особенно тонка в случаях, когда одно или несколько государств либо мировое сообщество начинают военные действия, мотивируя их необходимостью защиты народа, являющегося жертвой агрессии (см. XV. 1). В связи с этим вопрос о поддержке или осуждении Церковью военных действий нуждается в отдельном рассмотрении всякий раз, когда таковые начинаются или появляется опасность их начала.

Одним из явных признаков, по которому можно судить о праведности или несправедливости воюющих, являются методы ведения войны, а также отношение к пленным и мирному населению противника, особенно детям, женщинам, старикам. Даже защищаясь от нападения, можно одновременно творить всяческое зло и в силу этого по своему духовному и моральному состоянию оказаться не выше захватчика. Война должна вестись с гневом праведным, но не со злобою, алчностью, похотью (1 Ин. 2. 16) и прочими порождениями ада. ➔

➔ Наиболее правильную оценку войны как подвига или, напротив, разбоя можно сделать, лишь исходя из анализа нравственного состояния воюющих. «*Не радуйся смерти человека, хотя бы он был самый враждебный тебе: помни, что все мы умрем*», — говорит Священное Писание (Сир. 8. 8). Гуманное отношение к раненым и пленным у христиан основывается на словах апостола Павла: «*Если враг твой голоден, накорми его; если жаждет, напой его: ибо, делая сие, ты соберешь ему на голову горящие уголья. Не будь побежден злом, но побеждай зло добром*» (Рим. 12. 20-21).

4. В иконографии святого Георгия Победоносца черный змий попирается копытами коня, который всегда изображается ярко-белым. Этим наглядно показывается: зло и борьба с ним должны быть абсолютно разделены, ибо, борясь с грехом, важно не приобщиться к нему. Во всех жизненных ситуациях, связанных с необходимостью применения силы, сердце человека не должно оказываться во власти недобрых чувств, роднящих его с нечистыми духами и уподобляющих им. Лишь победа над злом в своей душе открывает человеку возможность справедливого применения силы. Такой взгляд, утверждая в отношениях между людьми главенство любви, решительно отвергает идею непротivления злу силою. Нравственный христианский закон осуждает не борьбу со злом, не применение силы по отношению к его носителю и даже не лишение жизни в качестве последней меры, но злобу сердца человеческого, желание унижения и гибели кому бы то ни было.

В связи с этим Церковь имеет особое попечение о воинстве, воспитывая его в духе верности высоким нравственным идеалам. Соглашения о сотрудничестве с Вооруженными Силами и правоохранительными учреждениями, заключенные Русской Православной Церковью, открывают большие возможности для преодоления искусственно созданных средостений, для возвращения воинства к веками утвержденным православным традициям служения отечеству. Православные пастыри — как несущие особое послушание в войсках, так и служащие в монастырях или на приходах — призваны неукоснительно окормлять военнотружущих, заботясь об их нравственном состоянии.

5. В основе христианского понимания мира лежат обетования Божии, засвидетельствованные в Священном Писании Ветхого и Нового Заветов. Эти обетования, придающие подлинный смысл истории, начали исполняться в Иисусе Христе. Для Его последователей мир является благодатным даром Божиим, о котором мы молимся и которого испрашиваем у Господа для себя и для всех людей. Библейское понимание мира значительно шире политического. Святой апостол Павел указывает, что «*мир Божий... превышает всякого ума*» (Флп. 4. 7). Он несравненно выше того мира, который люди способны создавать собственными усилиями. Мир человека с Богом, с самим собой и с другими людьми — неотделимы друг от друга.

У ветхозаветных пророков мир изображается как состояние, завершающее историю: «*Тогда волк будет жить вместе с ягнчком, и барс будет лежать вместе с козленком... Не*

будут делать зла и вреда на всей святой горе Моей, ибо земля будет наполнена ведением Господа, как воды наполняют море» (Ис. 11. 6-9). Этот эсхатологический идеал связан с открытием Мессии, имя Которого — Князь мира (Ис. 9. 6). Война и насилие исчезнут с Земли: «*И перекуют мечи свои на орала, и копыя свои — на серпы; не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать*» (Ис. 2. 4). Впрочем, мир — это не только дар Господа, но и задача человечества. Библия дает надежду на осуществление мира с помощью Божией уже в пределах нынешнего земного существования.

По свидетельству святого пророка Исаии, мир есть плод правды (Ис. 32. 17). Священное Писание говорит и о правде Божией, и о правде человеческой. Обе они имеют отношение к завету, который Бог заключил с избранным народом (Иер. 31. 35). В этом контексте правда преимущественно понимается как верность союзническим отношениям. Насколько люди нарушают союз с Богом, то есть насколько они неправедны, настолько они лишаются плода правды — мира. В то же время одним из основных элементов Синайского законодательства было требование справедливого отношения к ближнему. Заповеди закона имели целью не обременительное ограничение свободы личности, но построение жизни общества на принципе справедливости для достижения относительного мира, порядка и спокойствия. Для Израиля это означало, что мир в общественной жизни осуществляется не сам собою, в силу неких естественных закономерностей, но он возможен, во-первых, как дар Божественной правды, и, во-вторых, как плод религиозных усилий человека, то есть его верности Богу. Там, где люди благодарно ответят верностью на правду Божию, там «*милость и истина встретятся, правда и мир облобызаются*» (Пс. 84. 11). Впрочем, история Ветхого Завета дает множество примеров неверности и греховной неблагодарности избранного народа. Это дает повод пророку Иеремии указать на причину отсутствия мира в Израиле, в котором постоянно слышится: «*мир! мир!*», а *мира нет*» (Иер. 6. 14). Пророческий призыв к покаянию звучит как песнь верности правде Божией. Несмотря на грехи народа, Бог дает обетование заключить с ним «новый завет» (Иер. 31. 31).

Мир в Новом Завете, как и в Ветхом, рассматривается как дар Божией любви. Он

тождествен эсхатологическому спасению. Вневременность мира, возвещенного пророками, особенно явно видна в Евангелии от Иоанна. В истории продолжает царствовать скорбь, но во Христе верующие имеют мир (Ин. 14. 27; 16. 33). Мир в Новом Завете есть нормальное благодатное состояние человеческой души, освобожденной от рабства греху. Именно об этом говорят пожелания «благодати и мира» в начале посланий святого апостола Павла. Этот мир — дар Святого Духа (Рим. 15. 13; Гал. 5. 22). Состояние примиренности с Богом есть нормальное состояние твари, «*потому что Бог не есть Бог неустройства, но мира*» (1 Кор. 14. 33). Психологически это состояние выражается во внутреннем порядке души, когда радость и мир в вере (Рим. 15. 13) становятся почти синонимами.

Мир, по благодати Божией, характеризует жизнь Церкви во внутреннем и внешнем аспектах. Но, разумеется, благодатный дар мира зависит и от человеческих усилий. Дары Духа Святого проявляются лишь там, где существует встречное движение человеческого сердца, покаянно устремленного к правде Божией. Дар мира обнаруживает себя, когда христиане стремятся к его стяжанию, «*непрестанно памятуя... дело веры и труд любви и терпение упования на Господа нашего Иисуса Христа*» (1 Фес. 1. 3). Устремления к миру каждого отдельного члена тела Христова должны быть независимы от времени и от условий жизни. Угодные Господу, (Мф. 5. 9), они приносят плоды, где бы и когда бы ни совершались. Мир, как дар Божий, преображающий внутреннего человека, должен проявляться и вовне. Его следует сохранять и возгревать (2 Тим. 1. 6), а потому миротворчество становится задачей Церкви Христовой: «*Если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми*» (Рим. 12. 18); *старайтесь «сохранять единство духа в союзе мира»* (Еф. 4. 3). Новозаветный призыв к миротворчеству опирается на личный пример Спасителя и Его учение. И если заповеди о непротivлении злу (Мф. 5. 39), любви к врагам (Мф. 5. 44) и прощении (Мф. 6. 14-15) обращены прежде всего к личности, то заповедь о миротворчестве — «*Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими*» (Мф. 5. 9) — имеет непосредственное отношение к социальной этике.

«Русская Православная Церковь стремится осуществлять миротворческое служение как в национальном, так и в международном масштабе, стараясь разрешить различные противоречия и привести к согласию народы, этнические группы, правительства, политические силы. Для этого она обращает свое слово к власти имущим и другим влиятельным слоям общества, а также прилагает усилия для организации переговоров враждующих сторон и для оказания помощи страждущим. Церковь также противостоит пропаганде войны и насилия, равно как и различным проявлениям ненависти, способной спровоцировать братоубийственные столкновения». (Основы Социальной Концепции Русской Православной Церкви Официальный документ Русской Православной Церкви, утвержденный на юбилейном Архиерейском соборе 2000 года).

Протоиерей Виктор Петлюченко.

Подлинный патриотизм

В попытках найти новую основу для консолидации общества в условиях отсутствия религиозного единства в Европе и США была рождена идея толерантности и мультикультурализма. Но слова, как это часто бывает, разошлись с делами. За красивой обёрткой оказалась пустота. Предложенная в качестве социального стандарта толерантность, по меткому определению отца **Даниила Сысоева**, оказалась ничем иным как утратой иммунитета (и отдельным человеком, и обществом в целом) перед угрозой потери своей национальной идентичности.

Между тем, современный западный мир, декларируемый как мультикультурный и мультирелигиозный, на деле предельно однороден и одномерен: в нём царствуют английский язык и американская культура, а роль пророка Нового Порядка играет Голливуд.

«Через индустриализацию наступает каменный век. Поклонение камню — европейская культура и её суррогаты... окаменелые души создают каменных идолов, каменные идеалы. Всё засыхает, увядает, камнеет в реторте европейской вещепоклоннической культуры. Зодчие каменного века — все гуманистические силы Европы», — пророчески писал в 1957 г. преподобный **Иустин Попович**.

Пресловутая глобализация на практике означает односторонний перенос принципов, лежащих в основе обществ, демонстрирующих так называемые западные стандарты, на широко понимаемую восточную почву. И этот процесс неизбежно сопровождается пренебрежением к нашей национальной идентичности и к отдельным её составляющим. Под особым ударом оказывается византийское наследие, которое по определению **К. Н. Леонова** «как сложная ткань нервной системы, проникает насквозь весь великорусский общественный организм. Им обязана Русь своим прошлым, им же она должна быть обязана будущим». Критика Византии не сходит со страниц СМИ, стараниями которых термины «византийская политика», «византийское коварство», «византизм» уже стали нарицательными.

На пути реализации мечты о тотальной европеизации стоит вера наших Святых — Православие. Со всем не случайно многодетность, набожность и аскетизм активно высмеиваются в СМИ, навязывающих нам совсем другие идеалы.

Параллельно в православных кругах всё чаще звучат слова о некоем «новом православии» и «скорректированной современной миссии», вкупе с популяризацией идеи ревизии «частично устаревшего» Святоотеческого Предания и реформы богослужебного языка. Искажённое толкование неизбежно принимает и такое естественное для человека чувство как любовь к Отечеству.

«Без православия наша народность — дрянь», — писал в письме Ивану Сергеевичу Аксакову выдающийся публицист, славянофил **Александр Иванович Кошелев**. В справедливости его слов мы можем убедиться сегодня.

«Далеко не безразлично, за что любим мы родину, в какое её «призвание» мы верим... Есть любовь к отечеству праведная и святая, и она спасительна и действительна. И есть любовь греховная, и эта любовь — мерзость перед Господом, и, быть может, равнодушие предпочтительнее, чем служение «идеалу Содомскому». Москва Третьего Рима и Москва Третьего Интернационала — это не две равноправных, хотя и полярных, формы национального порыва, а — две бездны... И надо быть осторожными не принять за дело злохудожное, — за постройку Вавилонской башни», — писал, пожалуй, самый выдающийся православный богослов XX столетия о. **Георгий Флоровский**.

Когда «национальные критерии вытесняют или даже устраняют религиозные, происходит откат к ... язычеству, потому что главным для верующих становится не их единство во Христе, а их национальное своеобразие» (профессор **Георгий Мандзаридис**). Неизбежным следствием этого является дробление Церкви по национальному признаку — противоестественное явление, которое вступает в противоречие с её духом и характером.

А когда помимо этнических различий нет высшей цели, которая связывала бы людей и вела их к онтологическому единству лиц «по образу и подобию Божию», национальное самосознание неиз-

вселенскости Православия меня соблазняет и ранит».

Сегодня (по словам уже упоминавшегося преподобного **Иустина**) «христианство для многих и многих перестало быть подвигом и необходимостью, а стало или украшением, или национальным обычаем, или народной традицией, или стариной, или моралью, или философствованием, — всем, но только не коренным преобразованием человека: из смертного в бессмертного, из грешного в безгрешного, из дьявольского в Божиего. Обмельчали, так мельчали "христиане", что сами уготовляют себе гибель. Отсюда материальная культура стала всё и вся. Главное в том, что потеряно чувство бессмертия, а значит и благодатия, и богоподобия, чувство всего небесного, небесного происхождения человека».

Жизнь, прожитая в согласии с Святоотеческим Преданием — это основополагающее требование и условие православного мировоззрения. Поэтому для нас всегда актуально обращение к опыту наших святых.

По слову преподобного **Иустина Поповича**: «Мы, христиане, истинные христиане до тех пор, пока держим веру Святых отцов. Без этой веры нет нам ни спасения, ни вечной жизни. Только так мы можем иметь благодатное чувство православности, которое даётся через молитвенное общение со святыми».

«Учения Святых отцов Православной Церкви перешли в Россию, можно сказать, вместе с первым благовестом христианского колокола, под их руководством сложился и воспитался коренной русский ум, лежащий в основе русского быта», — писал выдающийся общественный деятель и мыслитель XIX столетия **И. В. Киреевский**.

Без духовных предпосылок православная миссия существовать не может. Её фундамент не мораль и этика, а аскеза и Дух Святой. Православие — это подвиг, потому и проповедуется оно только подвигом. Подвижники — единственные миссионеры Православия.

«Нужно прежде себя очистить, а затем других учить чистоте; нужно прежде себя умудрить, а затем других учить мудрости; нужно прежде самому стать светом, а затем других просвещать; нужно прежде самому приблизиться к Богу, а затем других приводить к Нему; нужно прежде самому стать святым, а затем других освящать».

Эти слова святителя **Григория Богослова** — аксиома жизни православного христианина. Собственное совершенствование — непрменная предпосылка самой возможности успешного служения Церкви, Отечеству, людям...

В интервью «Святой Горе» афонский старец о. **Лука Филофейский** так ответил на вопрос об оправданности активного участия христианина в политике:

— *Господь призывает нас изменить себя. Если все мы постарались бы стать хоть немного лучше, всё человечество было бы в полном порядке. А сейчас происходит следующее: некоторые ищут способы сделать лучше других, а самим остаться такими же как они есть сейчас. Это политические деятели...*

— *Можем ли мы изменить судьбу своей страны?*

— *Одну вещь мы призваны, можем и должны изменить. Самого себя. Тому, кто начнёт с этого всё будет под силу. Меняя себя, человек явит и реализует те таланты, которые ему даны Богом. Он и другим поможет изменить себя и победить зло.*

Связь с живой церковной традицией воплотилась в жизни всех православных святых. Их жертвенная любовь к соотечественникам была плодом их православных убеждений. Но святоотеческий патриотизм имеет определённые отличия от той любви к Отечеству, которая сегодня характерна для большинства из нас. Остановимся на них подробнее.

Каждая мысль и слово Святых отцов испытана **молитвой** и рождена из молитвы, которая рассматривается ими как наиболее действенный способ служения соотечественникам. По словам старца **Паисия Святогорца**, подвижники — «это радисты Церкви. Если своей молитвой они устанавливают связь с Богом, то Он спешит на помощь и помогает более действенно».

Наряду с молитвой необходимой предпосылкой патриотизма праведного является смирение. Гордый человек не в состоянии задействовать и реализовать дары, данные ему Богом. Ведь по слову самого Спасителя Бог ему «противится, а не даёт благодать».

«Надо признать бессилие своё, бессилие всякого человеческого индивида своею обособленною волею, своею личною мыслью определять и формировать жизнь. Но надо помнить: смирение не есть рабская покорность...»

Смиряться, мы не должны отказываться ни от свободы действия, ни от свободы оценок... В тоже время необходимо уйти от представления о нашем всемогуществе» (прп. **Иустин Попович**).

Но если человек начнёт очищать себя и реализовывать по мере сил данные ему Богом возможности и дары, случится тоже, что и в апостольские времена. Ученики Христовы, получив Благодать Святого Духа, обращали ко Христу тысячи и тысячи людей, к лучшему изменяя тем самым судьбу многих стран и народов.

Православные святые тем или иным способом трудились ради народного единства. Второй после Православия основой их мировоззрения была любовь к Отечеству. И здесь они выстраивают чёткую иерархию, подчиняя всё, в том числе и **патриотизм, православной вере**, завершающей «всяк дар совершен свыше есть, сходяй от Отца светов».

Они не утрачивают живого ощущения святости и приоритетной значимости Церкви, не подчиняют пастьерскую деятельность целям устройства земного благополучия и благоденствия, пусть даже под предлогом защиты «интересов Отечества».

Приоритет вере, Православию святые отдают всегда и во всём: «Тело наше пусть сгорит, пусть изжарят его; все земные вещи пусть заберут у нас (нет им места в будущем, отдайте их, они не ваши) — берегите и заботьтесь только о душе и Христе — лишь это вам необходимо, никто не сможет отнять их у вас против вашей воли. Храните их и не потеряйте» (равноапостольный **Косма Этолийский**).

Подлинными выразители духа Церкви — подвижники, не отказываясь от любви к Отечеству, становятся над племенными различиями и своей любовью обнимают всю вселенную. Они обращаются к нам от своей кафолической полноты, от полноты жизни, исполненной благодати.

Святые исходят из идеи **кафолической**, всеобщности церковного сознания. Многие из них стремились к выходу православных народов из национальной замкнутости и к их консолидации, обращали свою деятельность ко всему православному миру. Главным объединяющим фактором общества они полагали не кровь, а веру.

Церковь кафолична, ибо она есть единое Тело Христово; она — союз во Христе, единство в Духе Святом и её возрастание состоит в совершенствовании её внутренней цельности.

Национальные черты могут быть расширены и преобразованы во вселенский синтез только после освобождения человека (в равной степени это относится и к народу) от эгоцентризма и самодостаточности. Прежде чем вступить в Церковь, мы должны обуздать свою

самовлюблённость и подчинить её духу кафолической общности. И в полноте церковного общения совершается кафолическое преображение личности (и целого народа).

По словам преподобного **Иустина Поповича**: «Церковь — это Богочеловеческая вечность, воплощённая в границах времени и пространства... Она — вселенская, соборная, богочеловеческая, вечная, поэтому хула, непрощительная хула на Христа и Духа Святого — делать из неё национальный институт, сужать её до мелких, преходящих, временных национальных целей».

Церковь — это Личность Богочеловека Христа, Богочеловеческий организм, а не человеческая организация. Церковь неделима и как Личность Богочеловека, и как Тело Христово. Поэтому в самой основе ошибочно неделимый Богочеловеческий организм делить на мелкие национальные организации. На своём историческом пути многие Поместные Церкви склонялись под ярмо национализма, под гнёт национальных целей... Церковь формировалась по отношению к народу, хотя естественным является обратное: народ должен формироваться по отношению к Церкви.

Уже время, уже пошёл двенадцатый час, пора нашим отдельным церковным представителям перестать быть исключительно слугами национализма и политики, всё равно какой и чей, и стать первосвященниками и священниками Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви. Заповеданная Христом и осуществляемая святыми отцами миссия Церкви состоит в следующем: насаждать и возвращать в душе народной чувство и сознание того, что каждый член Православной Церкви — личность соборная и вселенская, личность вечная и богочеловеческая, что он — Христов».

Святоотеческая любовь к Родине это не «кухонный» и «диванный» патриотизм. Никто не сделал столько для своих народов как православные святые. Их духовное состояние незримо повлияло на их семейный и родственнический круг, на всё их окружение. Они при жизни своей многим помогли принести покаяние и стяжать веру в Бога и сегодня продолжают молитвенно помогать потомкам после своей блаженной кончины.

Духовное состояние подвижников оказывает влияние даже на природу. По словам псалмопевца: «[Господь] превращает пустыню в озеро, и землю иссохшую — в источники вод» (Пс.106:35). То есть по молитвам праведников Бог и неплодородную землю делает плодородной, плодородную же может обратить в

«солончатую, за нечестие живущих на ней» (Пс.106:34).

Каждый, кто читал жития святых может привести бесчисленное число примеров самопожертвования и положения жизни своей «за други своя» нашими православными святыми.

При этом они заботились не только о духовном спасении соотечественников, но и старались помочь им гармонично устроить жизнь на земле. Сажали деревья, знакомили с новыми способами ведения сельского хозяйства, оказывали материальную помощь, сохраняли народные традиции, строили школы, благословляли на защиту Отечества.

Главной их задачей было стремление вернуть народ к православной традиции, к жизни по Евангелию, заложив тем самым прочные основы настоящего общества. Чтобы люди «и эту жизнь прожили хорошо, в мире и любви, а после наследовали вечную радость Рая». В этих простых словах святой **Косма Этолийский** с точностью даёт определение церковному образу жизни, ставящему человека на путь восхождения на небо. Радость, радость Христова, выраженная в братстве и «общении» (Деян. 2:42), — вот конечная цель нашего земного существования.

Жизнь наших святых — это доказательство и свидетельство того, что мы не от этого мира, но от иного; что человек есть настоящий человек только с Богом. Наше призвание — исполнить себя Господом Христом, Его божественными животворными силами. Если трудиться над этим — то человек уже на небе, хотя и ходит по земле.

Пример и учение святых современных и актуальны для нас. Они — не просто священные символы и исторические деятели, а путеводные маяки в нашей непростой борьбе за наше историческое выживание.

Человеческое общество без ценностей и идеалов безжизненно и обречено на разложение. Сегодня предлагаются разнообразные способы выхода из тупика. Однако только наша крепкая вера в духе покаяния может спасти наш народ. Эту истину подтверждают примером своей жизни святые.

С каждым днём мы убеждаемся в правоте слов отца **Георгия Флоровского**, говорившего, что «решение русской загадки может быть найдено только тогда, когда она будет поставлена в категориях "борьбы Бога и дьявола", совершающейся в сердцах людей; и когда будет осознано, что единственный выход даётся сердечным исповеданием: не к кому нам идти, Господи, Ты имеешь глаголы жизни вечной».

Покаяние. Исповедь

Великий пост самое что ни есть благоприятное время для покаяния и исповедания грехов. Так совпало, что в этом году, это еще и время глубоких потрясений для нашей страны. Нормальный человек и гражданин не может не интересоваться процессами, которые в его стране происходят. Одновременно, в СМИ слишком много провокационной и манипулятивной информации, так, что иногда не знаешь, что лучше: следить пристально за новостями или делать это дозированно и аккуратно. Много витает в воздухе эмоций и агрессии. В такой ситуации важны сосредоточенность, внимание и покаянный душевный настрой. Возможно, это малое мирное делание, перевесит чашу весов многих сил, которые расшатывают ситуацию в Украине. Отрадно видеть заполненные храмы на первой седмице Великого поста во время чтения покаянного канона св. Андрея Критского. Теплеет на сердце в эти дни от соборной молитвы. Поэтому именно сейчас хочется еще раз поговорить об исповеди, покаянии и напомнить слова великих подвижников и св. Отцов церкви.

У каждого человека свой путь к покаянию, свой срок... Но одно можно сказать точно: покаяние — не единожды усвоенный урок. Пережив его однажды, глубокое и жгучее, вовсе не означает, что сможешь сохранить этот настрой на долго... Не присуща ему логика и механическая закономерность. Покаяние — живой и творческий процесс, происходящий в душе человека на протяжении всей его жизни.

Кто-то сделал свой первый шаг на этом поприще. Кто-то — давно познал чудодейственную силу покаяния и теперь от исповеди к исповеди протягивает живительную ниточку, возрождающую душу. Некоторые медлят и все еще откладывают исповедь «на завтра» или до следующего поста...

Есть категория хорошо образованных, интеллигентных людей, считающих, что главное — жить по Богу, а в храм ходить и исповедоваться перед «свидетелем», совершенно не обязательно. Для них важно время от времени делать внутреннюю «инвентаризацию» и осознавать свои поступки. Иногда творческие люди склонны думать, что им достаточно исповеди через свои произведения: картины, фильмы, музыку...

На самом деле, покаяние — это не только осознание своих грехов, и признание себя виновным. Для последнего было бы достаточно, в основном, работы ума. Давайте немного остановимся на этом моменте. В греческом тексте Св. Писания есть два разных выражения: одно — метанойя, а другое — метамелия. Метамелия — просто, перемена намерения. Оно никакого духовного значения не имеет. В психологии — это процесс осознание и «перестройки» своего характера. Здесь еще покаяния, как такового нет.

Покаяние — понятие религиозное. Каяться надо перед кем-то. Это не значит просто изменить стиль жизни или свое внутреннее чувство, свой опыт, как имеется в виду, скажем, в восточных религиях и культурах: «человек должен познать себя, самоосуществиться, чтобы свет его сознания пробудился». Для такой перемены, не нужно Бога. А христианское покаяние непременно: перед кем-то.

К замечательному священнику — **Александру Ельчанинову** (†1934) пришел на исповедь офицер и сказал:

«— Я могу вам выложить всю неправду моей жизни, но я только ее головой сознаю. Мое сердце остается совершенно нетронутым. Мне все равно. Головой я понимаю, что это все зло, а душой никак не отзываюсь: ни болью, ни стыдом.

И отец Александр ответил ему:

— Не исповедуйтесь мне. Это будет совершенно напрасное дело. Завтра, перед тем как я буду служить литургию, вы выйдете к Царским Вратам. И когда все соберутся, вы скажите то, что вы только что сказали мне, и исповедуетесь перед всем собравшимся съездом.

Офицер на это согласился, потому что он чувствовал себя мертвецом; он чувствовал, что в нем жизни нет, что у него только память и голова, а сердце мертво, и жизнь в нем погасла. Он вышел от священника с чувством ужаса. Офицер думал, что начини он сейчас говорить, и весь съезд от него отвернется. Все с ужасом посмотрят на него и подумают: «Мы считали его порядочным человеком, а какой он негодяй, он не только негодяй, но и мертвец перед Богом». Но он пересилил свой страх и ужас, встал и начал говорить. И случилось для него самое неожиданное. В момент, когда он сказал, зачем он встал перед Царскими Вратами, весь съезд обратился к нему со страдательной любовью. Он почувствовал, что все ему открылось, что все открыли объятия своего сердца, что все с ужасом думают о том, как ему больно, как ему страшно. Он разрыдался и в слезах произнес свою исповедь; и для него началась новая жизнь».

Вот таким непостижимым образом мы влияем друг на друга... влияем на весь окружающий мир. Из-за множества повседневных мелочей бывает сложно разглядеть последствия, которые имеют даже незначительные наши поступки, слова, интонации, иногда — взгляд наших глаз. И все же, когда человек ненавидит или просто «холодно» относится к другому человеку, то взор его мешает другому даже ходить. И, напротив, когда начинает каяться, исповедоваться и поститься, то и это отражается на всем вокруг него.

Современный мир учит реализовывать себя: «Ты имеешь право быть самим собой», «Ничем себя не ограничивай и ничего в себе не отвергай». Если человек не убивает и не крадет, ему может годами и десятилетиями казаться, что с ним все благополучно. В такой иллюзии можно пребывать до самой старости. И даже, если в последний момент близкие и позаботятся пригласить священника для первой и последней исповеди в жизни человека, то что-то сделать уже, бывает, невозможно: душа, не обученная покаянию и исповеди, не может себе помочь.

В Песне песней или в псалмах мы видим экзистенциальный диалог между Богом и человеком. Они страдают оба. И Богу жалко человека, и человеку жалко. Достоевский особенно ясно показал, что когда человек удаляется от Бога, теряется что-то драгоценнейшее, великое. Такой промах, не-приход на встречу с Богом — всегда трагедия. Когда человек теряет любовь,

удаляется от Бога, он трагически это чувствует, потому что создан он — для любви. Покаяние нас возвращает к этому нормальному состоянию, или, по крайней мере, к началу нормального пути. Покаяние, так говорил о. **Иустин (Попович)**, как землетрясение, которое рушит все, что лишь казалось стабильным, а на самом деле, было ложным, и тогда надо все изменить. Затем начинается подлинное, постоянное созидание личности, нового человека.

Покаяние невозможно без встречи с Богом. Поэтому Бог и идет навстречу человеку. Если покаяние было бы просто рассмотрением, расположением по-иному своих сил, оно было бы перестройкой, но не переменной по существу. Заболевший, как говорит св. **Кирилл Александрийский**, не может исцелить себя, а нужен ему исцелитель — Бог. А в чем болезнь? В искажении сути любви. Не должно быть односторонней любви. Любовь должна быть, по крайней мере, двусторонней. А для полноты любви, собственно, нужны трое. Бог, ближний и я. Это — взаимопроникновение любви, круговращение любви. Оно-то и есть жизнь вечная. В покаянии человек чувствует, что он больной, и ищет Бога.

Покаяние — не просто жалость к себе или депрессия, а всегда сознание и чувство, что потеряно общение, и сразу — поиск и даже начало восстановления этого общения. И Бог, и человек в покаянии вступают в активность любви. Любовь ищет общения. Покаяние и есть сожаление о потерянной любви. «Только когда начинается самое покаяние, тогда человек и чувствует в нем потребность. Казалось бы, что сперва надо человеку почувствовать, что он нуждается в покаянии, что оно для него — спасение. А на деле парадоксально получается, что лишь когда человек уже испытывает покаяние, тогда и ощущает потребность в нем». Это означает, что бессознательное сердца глубже сознания.

Феофан Затворник в «Пути ко спасению» говорит: «Когда человек пробуждается к покаянию, то сразу чувствует, что любит ближнего. Уже не гордится, не считает себя большим. Всем желает спасения. Это уже знак подлинной христианской жизни».

Преп. **Иосиф Оптинский** в письме к своему духовному чаду написал: «Бог будет судить о покаянии не по мере трудов, а по мере смирения. В оный день Бог будет судить нас не о псалмах, не за оставление нами молитвы, но за то, что не покаялись! Велия бывает радость Ангелам на небеси о едином грешнике кающемся. Будем же молиться: «Господи, помилуй. Господи, даруй ми смирение и кротость».

Перед Богом нужно смиряться, но совсем не из «комплекса неполноценности». В Православии обратной стороной смирения является дерзновение. Например, больной, многостраждущий Иов имел смирение, и это смирение давало ему дерзновение говорить Богу: «Сойди с небес». И Бог сошел. Если убрать психологический оттенок, то можно увидеть, что смирение не бессилие, а именно дерзновение. Один египетский монах говорил: «Я как человек согрешил. Ты же, как Бог помилуй». Смирение и дерзновение идут рядом, вместе. ➔

ОТВЕТ НАСТОЯТЕЛЯ

– Почему нужно молиться за своих врагов? Нужно ли спрашивать разрешения у тех людей за кого хочешь помолиться, подать записочку, на литургию или молебен? Может ли молитва принести неприятности людям?

В личной молитве можно молиться Богу за всех, включая врагов — людей пораженных грехом. Спрашивать их разрешения нет необходимости.

Своего высшего проявления молитва достигает не тогда, когда мы молимся за близких к нам людей, за наших благодетелей или за тех, кто относится к нам безразлично, но тогда, когда молимся за своих врагов, прощая им все причиненные нам обиды.

Пример такой молитвы показал нам Сам Господь наш Иисус Христос, молившийся за Своих распинателей (Лк. 23, 34) и заповедавший нам молиться за своих врагов, чтобы быть сынами Отца, «Иже есть на небесах, яко солнце Свое

сияет на злые и благие, и дождит на праведные и неправедные» (Мф. 5, 44-45).

И святые апостолы учили, что христиане не должны воздавать злом за зло, или ругательством за ругательство, но должны благословлять, так как они призваны к тому, чтобы наследовать благословение (1 Пет. 3, 9).

Преподобный **Зинон**, подвизавшийся на Синае, беседуя однажды о значении молитвы, сказал: «Кто хочет, чтобы Бог скоро услышал молитву его, тот, когда станет перед Богом и прострет руки свои к Нему, прежде всего, даже прежде молитвы о душе своей, должен от всего сердца молиться о врагах своих. За это доброе дело Бог услышит его, о чем бы он ни молился».

По словам преподобного **Марка Подвижника**, мы своей молитвой за обижающих нас «благодетельствуем душам их». Это и понятно. Даже самый лютой враг наш, зная, что мы не желаем ему зла, а наоборот, молимся о его благополучии, естественно переменит свое плохое к нам отношение на хорошее. Во время молитвы за врагов, по учению святителя Иоанна Златоуста,

не следует жаловаться на них Богу. Прощения о наказании врагов он считает даже безумными. Недобрим чувствам, возникающим в нашей душе при воспоминании о наших врагах, необходимо противопоставлять воспоминание о своих грехах и страх будущего наказания.

Для нас молитва за врагов имеет очень большое значение, так как она, по заключению святителя Иоанна Златоуста, уподобляет нас не только Ангелам или Архангелам, а Самому Царю Небесному.

Наконец, нужно молиться вообще о всех людях, чтобы Господь вложил в сердце всех и каждого любовь к святому Евангельскому закону и ревность к его исполнению, чтобы укрепил душевные и телесные силы на добрую, честную деятельность, чтобы всех помиловал и вел ко спасению Ему одному известными путями.

Это учение о молитве за всех основывается на словах святого апостола Павла (1 Тим. 2, 1) и требуется самым характером любви христианской всеобъемлющей. **«Расширим сердце наше молитвою, и обьемем ею всех человеков, — поучает святитель**

Филарет (Дроздов). — В ней и отдаленное да соделается близким, ...высокое и низкое равным пред лицом Всевышнего. В ней да угаснет вражда, и любовь да воспламенится более сильным и чистым пламенем». Молитву за всех людей с великим благоволением принимает всеблагий Отец Небесный, у Которого нет лицемерия (Рим. 2, 11), ни тени перемены (Иак. 1, 17), Который есть беспредельная Любовь, все творение объемлющая и сохраняющая.

➔ Человек в смирении может сделать один шаг — и встретит Бога.

В покаянии надо понимать, что Бог по ту сторону нашего добра и нашего зла. Не надо отождествлять себя ни со своими злыми, ни со своими добрыми делами. Не надо думать, что можно обеспечить себе, путем делания добра, Царствие Небесное. Надеяться надо только на Бога. Но также надо верить, что и злые дела, хоть я их и осуждаю и отвергаю, не могут отделить меня от Бога моего. У некоторых есть склонность преувеличивать свои грехи, и задыхаться, и тонуть в них, как в бездне. Это уже своего рода недоверие к Богу.

Преподобный **Амвросий Оптинский** говорил: «Один все грешил и каялся, — и так всю жизнь. Наконец покаялся и умер. Злой дух пришел за его душой и говорит: «Он мой». Господь же говорит: «Нет, он каялся». «Да ведь хоть каялся, и опять согрешал», — продолжал дьявол. Тогда Господь ему сказал: «Если ты, будучи зол, принимал его опять к себе после того, как он Мне каялся, то как же Мне не принять его после того, как он, согрешив, опять обращался ко Мне с покаянием? Ты забываешь, что ты зол, а Я благ».

Полное покаяние в православии становится мужественным, а не сентиментальным: «Человек поднимается на борьбу. Надо, чтобы добродетель была наступательная — активная, а не пассивная. Но если она деформируется, она может стать тиранией для других, превратиться в агрессию. Но быть динамичным — надо!».

При подлинном покаянии все открыто и грех виден ясно. Один отшельник, проживавший на Афоне, на скалах, где ничего нет, пошел вниз в

монастырь исповедоваться, и когда духовник спросил его, в чем он хочет исповедоваться, он ответил: «У меня на душе большой грех. Я храню в кувшине сухарики, а мышь приходит и ест их. Я очень на нее сетую». Потом помолчал и добавил: «Эта мышь действительно приносит мне вред, но сержусь я на нее больше, чем она мне вредит». Исповедь как продолжение покаяния есть истинное самораскрытие человека. Да, мы грешные, поэтому-то мы раскрываем раны свои, болезни, грехи. Человек видит себя в отчаянном, безвыходном положении. Но подлинно то, что он смотрит не только на себя, а как говорил св. **Антоний Великий**: «Ставь свой грех перед собой и смотри на Бога по ту сторону грехов. Через грехи смотри на Бога! Но тогда грех не выдержит встречи с Богом. Бог все побеждает».

К сожалению, мы все расположены упорствовать и избегать врачевания своих страстей. Мы хотим результатов немедленно, чтобы все произошло моментально.

Об авве Сисое говорили: «когда он стал умирать и сидели отцы вокруг него, просияло лицо его, как солнце. И сказал он им: «Вот авва Антоний пришел». И немного позже: «Вот лик пророков пришел». И опять просияло лицо его еще более, и будто он говорил с кем-то. И спросили его старцы: «С кем разговариваешь, отче?» Он ответил: «Ангелы пришли взять меня, а я прошу, чтобы позволили мне покаяться еще немного». Говорят ему старцы: «Не имеешь ты нужды каяться, отче». Сказал же им старец: «Уверю вас, не вижу, чтобы я полагал начало покаянию». А все знали, что он совершенен. И опять вдруг сделалось лицо его, как

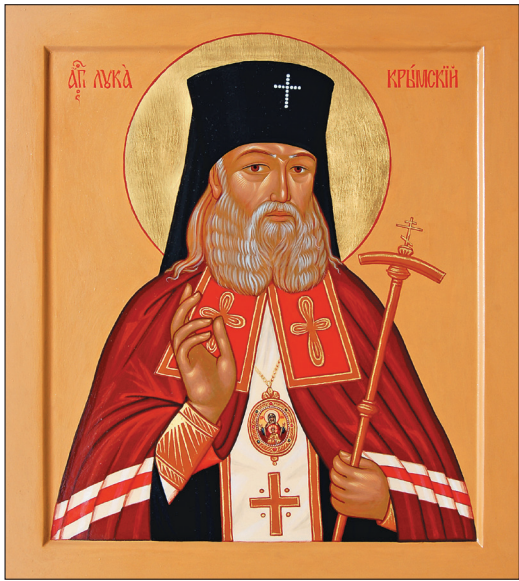
солнце. И все ужаснулись. Он говорит им: «Смотрите, Господь пришел и говорит: «Несите ко Мне сосуд пустыни». И тотчас предал дух. И сделался как молния. И наполнилась вся келлия благоуханием».

Мы все много грешим пред Богом. Тщеславие, неприязнь, пустословие; недобрые насмешки над другим человеком, которые в случае чего, можно выдать за «невинную» шутку; неуступчивость, раздражительность, гнев — постоянные спутники нашей жизни. На совести многих из нас лежат и более тяжкие преступления: обращение к экстрасенсам, воровство, вражда, месть, супружеские измены и многое другое, делающее нас повинными гневу Божию. И нужно понимать, что грех — это не факт в биографии, который можно забыть, вытеснить из памяти. Грех — это «черная печать», до конца дней пребывающая на совести и не смываемая ничем, кроме Таинства Покаяния. Эта кривая колея, которая в любой момент готова нас сбить с толку, увести с пути Божьего, потому что грех обладает растлевающей силой, способной вызывать за собой череду «цепных реакций» — последующих, более тяжелых прегрешений.

Наверное, то, что происходит сейчас в нашей стране, тоже имеет прямое отношение к этой самой цепочке. А это значит, что и покаяние каждого человека в отдельности, какой бы крошечной капелькой в море судеб людских оно не казалось, может Божией милостью и долготерпением еще отодвинуть срок, продлить время...

Татьяна Зелинская

О терпении

В Евангелии от Луки читаем глубоко важное слово Христово: «...терпением вашим спасайте души ваши» (Лк. 21, 19). О, Господи наш, Господи! Что говоришь Ты!? Неужели так огромно, так безмерно значение добродетели терпения, что она может даже спасать души наши?

Если, по слову Христову, так спасительно терпение, то его можно поставить рядом с царицей всех добродетелей — смирением, рядом с кротостью, и надо нам глубоко вдуматься в слово Господне о терпении. Постараемся же по мере нашего слабого ума понять значение слов Христовых. Для этого нам нужно вспомнить, что человек состоит из духа, души и тела, и что все тяжелое в жизни нашей — болезни, скорби житейские, обиды и оскорбления — все переносим мы этим трехчастным естеством нашим — и духом, и душою, и телом. Физические боли, страдания от болезней воспринимаются, нередко в сильнейшей степени, душой и духом нашими. Наш мозг и вся нервная система заведуют всеми нормальными и болезненными процессами в теле нашем, регулируют и координируют их. А дух наш властвует и над душой.

В житиях святых мучеников Христовых мы с изумлением читаем, как легко и спокойно переносили они невообразимо страшные мучения и пытки. Это непонятно материалистам, и они считают это баснями, а мы знаем, что дух мучеников, пламеневший безмерной верой во Христа и любовью к Нему, имел огромную власть над телами их и мог могущественно смягчать их страдания.

Знаем, что в современной медицине немалую роль играет так называемая психотерапия, т.е. словесное, психическое воздействие на больных, нередко могущественно и благотворно влияющее на течение болезни. Если так велико и благотворно было воздействие терпения святых на их мучения, то неверие, ропот на Бога, вопли и крики грешных людей только усиливают страдания их.

А нам, христианам, когда постигнет нас мучительная болезнь, и прежде всего вспоминаем мы о врачах и лекарствах, не лучше ли первым делом вспомнить о долготерпеливом Господе нашем

Иисусе Христе, Которого пророк Исаия называет Мужем скорбей и изведавшим болезни?

То же скажем и о перенесении обид. Умеем ли мы, как должно и угодно Богу, переносить наносимые нам обиды и оскорбления?

О нет, к стыду нашему, нет. Даже в нашей христианской среде видим мы, как часто бывает, что не стяжавшие добродетелей смирения и терпения отвечают на обиду обидой, на оскорбление — оскорблением. И ссора все больше и больше разгорается и доходит до драки, и даже кровопролития.

А молчаливое, спокойное перенесение обид всего лучше защищает от обидчика. Ничто так не удерживает обижающих, как кроткое терпение обижаемых.

Терпящих обиды защищает Бог. Да, следует брать пример с большинства наших современников, придающих большое значение укреплению и усилению тела физкультурой. Но нам нужно неустанно заботиться не столько о культуре тела, сколько о совершенстве духа, в котором большая роль принадлежит упражнениям в терпении, в безропотном терпении даже тяжелых болезней, в благодушном перенесении обид и оскорблений, в обуздании злоязычия, в приобретении великой добродетели терпения.

Будем помнить завет Апостола Петра в его первом соборном послании о подражании Господу Иисусу Христу, Который «будучи злословим... не злословил взаимно; страдая, не угрожал, но предавал то Судии Праведному. Он грехи наши Сам вознес телом Своим на древо, дабы мы, избавившись от грехов, жили для правды: ранами Его вы исцелились» (1 Пет. 2, 23-24).

Напомню вам также слова Апостола Павла в послании к Евреям, в котором он говорит о тех тяжелых страданиях в преследованиях, которые терпели великие праведники. Из них «...иные же замучены были, не приняв освобождения, дабы получить лучшее воскресение; другие испытали поругания и побои, а также узы и темницу, были побиваемы камнями, перепиливаемы, подвергаемы пытке, умирали от меча, скитались в милостях и козых кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления; те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли...

Посему и мы, имея вокруг себя такое облако свидетелей, свергнем с себя всякое бремя и запинаящий нас грех и с терпением будем проходить предлежащее нам поприще, взирая на начальника и совершивший Ему радости, претерпевший крест, пренебреживши посрамление, и воссел одесную престола Божия. Помыслите о Претерпевшем такое над Собою поругание от грешников, чтобы вам не изнеметь и не ослабеть душами вашими» (Евр. 11, 35-38; 12, 1-3).

Свою проповедь закончу добрым пожеланием Апостола Павла: «Господь же да управит сердца ваши в любовь Божию и в терпение Христово» (2 Фес. 3, 5).

Св. архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий)

Акции ТМЦ

Троицкий молодежный центр продолжает свое социальное служение и привлекает к этому всех неравнодушных прихожан нашего храма. В воскресный день Масленицы наши ребята организовали благотворительную акцию по сбору средств для онкобольных детей Одессы. Акция проходила по благословию нашего Владыки Высокопреосвященнейшего Агафангела, и в ней участвовали все храмы, в которых есть молодежные отделы. Молодежь своими руками приготовила масленичные угощения. Прихожане были приятно удивлены и благодарили настоятеля и членов молодежки за столь щедрое празднование Масленицы. Но помимо добрых слов благодарности прихожане не скупилась на пожертвования. Благодаря сердечности и щедрости прихожан Свято-Троицкого собора было собрано 10 715 грн., которые были переданы в благотворительный фонд «Благовещение» для помощи в проведении операций и лечения страдающим деткам Одессы.

К празднику Благовещения по инициативе ТМЦ и по благословию Владыки в соборе проведена благотворительная акция по сбору игрушек для детей, лишенных родительской ласки и опеки. Свою лепту внесли не только прихожане нашего храма, но и многие неравнодушные горожане, которые узнали об акции. Активное участие в организации акции принимал прот. Георгий Звягинцев настоятель храма Святого Духа. В результате было собрано около 1000 игрушек. Они были направлены в 3 учреждения:

1. Одесский дом-интернат для детей-инвалидов (Макаренко, 20)
2. Детский санаторий "Ласточка"
3. Приют для детей № 2 службы по делам детей одесского городского совета

Всем неравнодушным огромное спасибо.

